

ВАСИЛИЙ СУББОТИН

БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК

АПРЕЛЬ — МАЙ 1945 г.

По дорогам войны Двенадцатого года, среди войск Кутузова, двигалась этакая странная повозка, доверху нагруженная колымага... Это было не что иное, как полевая походная типография, в которой печатались листовки к солдатам французской армии, сводки и приказы Светлейшего. Своего рода боевые листки. Первая армейская походная редакция.

И именно с ней находился в это время, в ее составе был Василий Андреевич Жуковский — поэт, прославленный «певец во стане русских войнов»...

Наши армейские, дивизионные, фронтовые редакции со своими автомашинными-полупортками были на дорогах войны такими же вот точно походными типографиями, а мы, молодые поэты, молодые журналисты, вчерашние солдаты — не кем иным, как певцами во стане советских воинов.

Я тоже работал в такой редакции — в дивизионной красноармейской газете.

150 стрелковая дивизия, корреспондентом газеты в которой довелось мне работать, стояла на Калининском фронте. Я пришел в эту дивизию зимой, в 1944 году.

В редакции я считался самым младшим работником, носил звание «литературный сотрудник», но мы — я и мои товарищи в других дивизиях — этого своего звания не любили...

В первый год войны я был танкистом, война застала меня на западной границе. В газете я раньше никогда не работал. Мы почти все пришли в газету из воинских частей...

Кем я был на войне?

Наверно в глазах иного, какого-нибудь закоренелого штабиста я был почти героем, человеком переднего края, тем, кто лез в самое пекло. А для какого-нибудь взводного я сам был тыловином, изредка, раз в неделю, приходившим к нему в траншею.

Газета называлась «Воин Родины»... Ну да, я же говорил — «певец во стане русских воинов».

У нас была полевая почта 03628.

Наминогда самим приходилось крутить машину. Самим печатать. Сами писали, сами распространяли.

Теперь, листая подшивку газеты (у меня сохранился ее полный комплект), я вижу, что даже заголовок ее мне (художника не было) пришлось вырезать на линолеуме, достать который было очень трудно. Помню в каком-то доме, где мы стояли, нам пришлось выдрать его из пола.

Газета была маленькая. Двухполоска. Немногим больше писчего листа бумаги. Но как я гордился, когда, приходя в полк, видел ее в руках бойцов.

Мы много ездили и много ходили. Летним знойным днем пылили по дорогам, по снежным большакам буксовали среди движущихся колонн. Но больше ходили. Если выдавалась тихая минута, сидели, листая блокнот, и «отписывались». Засиживались допоздна, курили и писали. Писали много — за короткое время вырастала целая стопа заметок.

Писали и статьи, и очерки, и рассказы, и так называемый «боевой опыт». Строгие военные корреспонденции о том, как уметь применить оружие, о солдатской сноровке и несложных командирских хитростях...

Все приходилось писать.

И свои первые стихи я тоже напечатал в дивизионке. Впрочем, стихи мне газета могла позволить печатать нечасто. Больше приходилось писать стихотворные шашки и еще так называемые подтекстовки, или подписи под клише.

В Померании у нас в газете появился плакат работы художника Л. Голованова «Дойдем до Берлина».

С моими стихами.

Этот плакат (переобувающийся на привале солдат) висел потом на щитах — на перекрестках дорог перед Берлином.

Бои, бои... Тяжелый шаг пехоты
На большаках, где шли вчера враги.
На бровку опершись, на переходе
Натягивает парень сапоги.

Простые, загрубевшие от жару,
Но крепкие: носить — не износить.
Еще и тем хорошие, пожалуй,
Что по Берлину в них ему ходить.

150 Идрицкая дивизия, в которой я служил, ничем до того не прославившаяся, не только пришла в Берлин, но и взяла рейхстаг. Мои первые сообщения об этом были написаны в самом рейхстаге. Наутро я увидел возле рейхстага многих известных и прославленных журналистов и писателей, корреспондентов центральных газет.

Я писал тогда в «Воине Родины», как в последние часы войны в горящем здании рейхстага дрались наши бойцы. Много лет спустя я рассказал об этом же в книге «День тысяча четыреста десятый».

Почти всю войну я вел дневник. Мои записи — те, которые здесь приводятся, — начинаются с Одера, с Одерского плацдарма. Помню день, когда я влез на вышку (хотелось посмотреть Одер). Дух захватывало от высоты.

Вот это ощущение того, что ты на вышке, особенно было испытываемо нами в Берлине.

Мы потом влезли наверх, на рейхстаг.

Ощущение грандиозности совершающихся событий, их значимости, переживалось нами уже тогда, несмотря на очень большую нашу физическую усталость.

Я не буду повторять того, что сказано в моем дневнике об этих днях.

Шаг за шагом армия приближалась к центру, а дивизия, как оказалось даже неожиданно для нас самих, — к рейхстагу. Пройти в часть было очень трудно: бои шли за каждый дом, на каждой улице. По несколько раз в день надо было возвращаться в редакцию и снова идти к наступающим батальонам. В эти дни редакция понесла утрату. 29 апреля в Берлине был убит наш редактор.

Я очень бережно храню этот дневник. Несколько тетрадок, исписанных простым карандашом. Как бы ни было трудно, я, хотя и не каждый день, находил время хоть что-то записать. Некоторые слова уже стерлись. Я теперь вижу, что, несмотря на поспешность, с которой делались эти записи, главное в моем дневнике оказалось отмеченным.

Кроме дневника, у меня сохранились записные книжки, мои корреспондентские блокноты. Это подробные записи о героях боев. Со временем я их опубликую.

Конечно, я записывал мало...

Я еще не знал тогда, что те несколько берлинских дней, которые нам — каждому по-своему — определили жизнь надолго вперед, я не смогу никогда забыть, что отсюда пойдут мои первые книги.

В. Е. СУВБОТИН

Фотография, 1945

Собрание В. Е. Субботина, Москва

Я рад, что мне удалось хоть что-то записать. Я даже пытался фотографировать, потом, через день, через два, когда перестали стрелять. У меня был немецкий кодак. (В трудную минуту, живя на Урале, я продал его...) Фотоаппаратик, видимо, был неплохой, но фотограф я был слабый.

Все же эти несколько кадров теперь для меня очень важное напоминание.

Мое поколение шагало дорогами большой истории.

Мы стояли на рейхстаге. Через Бранденбургские ворота шли огромные колонны пленных.

Это была, конечно, волнующая картина. Запоминающееся зрелище.

Я тогда написал об этом в стихотворениях «Бранденбургские ворота», «Эпилог», «Королевская площадь», которые получили столь неожиданное для меня самого звучание.

Ветер истории шевелил волосы.

Захватывающий душу ветер событий, который меня до сих пор обжигает.

12 июля 1964 г.

2 апреля *. Второй уже месяц мы в Германии. Сейчас немцы — за Одером, наши — на дамбе. Это рядом...

Я вернулся сегодня утром из того городка, что за лесом. В десяти километрах от места, где мы стоим.

Возвращался обратно попутной машиной и по дороге встретил Давыдова, комбата 674-го.

* Дневник публикуется с небольшими сокращениями. Текст записей пересмотрен, и в него внесены необходимые стилистические исправления. Некоторые записи пополнены материалами из корреспондентских блокнотов этого же времени.

Нам осталось до Берлина около 70 км. Союзники вроде бы тоже стали торопиться. Но им до Берлина — 265 км. Рузвельт, однако, как говорится сегодня в наших газетах, просил сенат не разъезжаться, так как возможна капитуляция Германии...

Скорее бы уж началась горячка.

4 апреля. Я влез сегодня на вышку. На кирку, что рядом с нами. О, как высоко! Даже холодок под коленками. Одер я пока увидел очень слабо... Кто-то уверяет, что слышал, как бомбят Берлин. И это весьма вероятно.

Когда я думаю о том, что война может скоро кончиться, я начинаю загадывать наперед. Очень хочу учиться...

6 апреля. В насмешку над немецкой пунктуальностью кто-то из бойцов написал на единственной в доме печке: «Печь № 1». А у Одера я видел прибитую на берегу дощечку: «Река».

Читал письмо одному солдату, из тыла. Пишут:

«А скоро ли наши союзники переведут свои мили на километры?»

В нашей газете идут такие материалы: «Как правильно немцу мстить», «Настоящий мститель — герой на поле боя».

19 апреля. Столько событий произошло за эти дни, я не мог ничего написать раньше.

Фольварки, фольварки. Селения. Это уже пригороды Берлина.

Расползлась на крышах черепица,

Будто карты спутанной судьбы...

Был я во «Фронтовике», в нашей армейской редакции, видел Савицкого, моего друга — фронтового поэта. А через день-два все и началось... Еще сквозь сон я услышал. Ни о чем нам, дивизионным, заранее не сообщают.

Было, должно быть, часов семь, когда загромыhalo. Мгновенно я собрался, распоряжений мне никаких ждать не надо. Раз загрохотало — надо отправляться.

По мосткам пробрался через плавни. Трясина страшная. И вот передо мной опять открылся Одер. Он хоть и меньше Вислы, но глубокий и быстрый. Я перешел его по понтонному мосту.

Сначала пошел на огневые к минометчикам.

Плацдарм весь исполосован траншеями. Так что по открытому полю ходить не надо... Утро началось с разведки боем. А это, как известно, — всегда начало наступления. Так не раз было...

Пришел к нашим минометчикам, братьям Рубленко. Анатолий сидел в это время на наблюдательном, а Григория я нашел в блиндаже. Он обрадовался, позвонил брату. «Знаешь, кто у меня?» — и передал трубку мне.

Так же, кружась по траншеям, разыскал еще одного знакомого, Васькина, тоже минометчика.

Попробовал связаться по телефону с батальоном. (Твердохлеб, комбат, в этот день взял две траншеи и деревню.) Информации никакой! Шустер, замкомбата, передал мне, что у них, как всегда, хорошо действовал Исаков. Каримджан Исаков. Он не успел мне больше ничего сказать, на них шли танки...

С комсоргом Евраскиным мы решаемся отправиться к Твердохлебу. Но выяснилось, что никто не знает направления, можно попасть к немцам.

Пробирались по краю залитого водой рва. Глубина рва неизвестна, может быть, по пояс, а может, и дна не достанешь. Прижимались к обочине канавы. Наверх вылезть нельзя — снимет автоматчик!

Канаву перегородила спираль Бруно. Метнули гранату. Я все-таки зацепился плащ-накидкой, когда проскакивали этот проход.

Труднее всего солдату, который идет за нами, — подносить патроны. Ящик и без того тяжелый, а здесь еще тяжелее с ним.

Наконец мы в траншее. Проходим еще метров 50. «Тише, тише!» — кричат на нас... Вот и майор Твердохлеб. Высокий какой! Здоровуюсь со всеми. «Не разговаривайте громко! Накроют. Немцы в 15 метрах...» Только что отбили атаку.

Чувствую, что люди рады. («Редактор пришел!») Им кажется, что они не только от всех оторваны, но и забыты... А тут приходят из газеты! Меня они называют «редактором».

Отличившихся много. Взвод Греченкова. Связисты Рожков и Калина, санитары Андрей Вириженко и Федин. «Напишите вот о старшине, — говорит Твердохлеб, — он сегодня пять пленных привел...» Это о старшине Стельмахе.

Первым выскочил у них из траншеи лейтенант Клеменко.

Тут и этот Исаков, очень смелый человек. Лейтенант с орденом Славы. Он парторг батальона.

Со всеми беседую... Моя книжка почти вся исписана.

Темнеет. Надо идти... Опять пробираемся по тому же топкому и скользкому берегу. Теперь пехотинец, лежа, режет тут проволоку, не обращая внимания на огонь. (Не записал фамилию!) Тут же, недалеко, лежат несколько убитых. Все — в голову. Это снайпер стреляет.

Мы забираем одного раненого и сразу же натываемся на другого... Долго блуждаем, пока в темноте находим КП.

В редакцию я вернулся на другой день, часа в два. Уже в Клоссов. Кто-то обо мне сказал, что я убит.

В эту ночь, на Одере, когда я еще был там, шла такая артиллерийская подготовка, какой я, признаться, не слышал. Едва только она затихла, как были включены прожекторные установки большой мощности.

Все это до рассвета.

За Одер, за Одер!

Я стою на мосту и раздаю газету.

Пыль, пыль, пыль.

Очередь на переправе. Стоим ждем. Все части смешались.

— Сколько до Берлина осталось? — спрашивает красноармеец Распопа...

«Витька, сюда!» Указка на дороге...

В первый день продвинулись только километров десять, двенадцать. Потом опять все загудело и все началось сначала. И передний край опять передвинулся...

Дивизия наша брала селение Кунерсдорф. (Увы, это оказался не тот Кунерсдорф. Не тот, где произошло знаменитое сражение. Другой...)

Два последних номера у нас вышли целиком оперативные. Удачно я сходил на Одер.

Мои товарищи — газетчики из армейского «Фронтовика» — остановились рядом, и я зашел к ним. Володя Савицкий — в командировке.

26 апреля. На улице Мюллерштрассе. Это — уже в Берлине. Все время приходится заделывать окно в комнате — так бьет артиллерия. Противник тоже отвечает. Идут упорные бои...

Кажется, я изучил уже все пригороды.

Запомнилась мне одна могила. Под Берлином. У траншеи, перед самой немецкой обороной стоял наш подбитый танк.

У СТЕН РЕЙХСТАГА

Фотография. Берлин, май 1945 г.
Собрание В. Е. Субботина, Москва

«Виктор Крыжановский первым шел на Берлин, погиб здесь, в танке, 23 апреля 1945 года. Вечная слава тому, кто отдал жизнь за завоевание Знамени победы над рейхстагом».

Эта надпись была выжжена на дощечке раскаленным гвоздем. Я перенес ее в записную книжку.

В каждом местечке побывал по несколько раз. Панков, Каров, Бухгольц, Розенталь, Вильгельмсру. Везде цветут вишни.

Сегодня с утра наша дивизионка, редакция, уже в самом Берлине. Когда двумя днями раньше я был здесь, я переходил через эти каналы.

Укреплений в городе много. Но разве не так же упорно держались немцы в Прибалтике, в Польше?

Впрочем, Берлин еще весь впереди.

«Цивильные» — все на местах. Мало кто эвакуировался.

Мы весь день окружены немцами. Они обращаются с просьбами, просят разъяснений. Я понимаю плохо, а говорю еще хуже. Но пытаюсь связать отдельные слова и фразы. А один из нас не смущается, что его почти не понимают, и разговаривает всех лучше... Мы все так, пытаемся говорить по-немецки, пользуясь тем запасом слов, что мы выучили в школе...

Поймали немецкого офицера. В гражданской одежде. Переоделся. Немка доложила о нем капитану Носкову. Скрывался во дворе. Зовут Юзель Атель.

И — уже отошли сердца. Видно характер у нас такой...

Мы хотя и говорили, что придем в Берлин, но удивляемся, что это случилось...

Повсюду, на стенах, надпись: «Пс-с-т!» Молчи!

Сколько же немец продержится еще? Союзники наши так и не подошли к Берлину, опоздали...

Дивизиям выдали флаги. «Кто первым вывесит флаг над рейхстагом», — сообщают работники политотдела.

1 мая. Я не заново сюда, в дневник, того, что уже есть в моих записных книжках и будет в газете — всего того, что было вчера на Шпрее, в районе рейхстага... Все это станет заметками и очерками. Ведь только вчера говорили — «Будем брать рейхстаг», а сегодня рейхстаг уже взят. На второй странице вышедшего утром номера напечатано:

«Вчера доблестные воины нашей части после ожесточенных уличных боев овладели зданием германского рейхстага и водрузили над ним стяг победы.

Слава героям — участникам этого исторического события!»

Все эти дни — у рейхстага.

Вчера я был там, долго ждал, чтобы дать это сообщение. Там и сейчас еще всё горит...

Редактор наш Вадим Белов убит. (Еще 29-го.) Зацепин, Сулопаров ранены. Их отвезли в санбат. Труп Белова искали долго, но только вчера попали на след. Убит он был возле трамвайного парка, он шел на КП дивизии, подыскивать новое место для стоянки. Документы его передали из корпуса, передали люди другой части — документы и награды. А шофер наш, Митя Куликов, за день до всего этого разбился сам, побил машину.

Нас осталось мало, но газету выпускать надо... На улицах всё еще рвутся снаряды. Бьет тяжелыми. Откуда?

Мы переехали на новое место. Это гардеробная какого-то подземного завода... Сегодня я еще раз пойду. Все равно — газету выпускать надо. Со многими я уже говорил и уже знаю многих, кто водрузил свои флаги над рейхстагом. Мои записные полны имен.

Политотдел армии прислал телеграмму, поздравляет нашу дивизию со взятием рейхстага и водружением Знамени победы над Берлином.

...Снова и снова думаю о смерти Белова. И случилось это не на самой передовой. Но тут не разберешь, где тут тыл, где передовая. «Храбрость есть умение не бояться того, чего не надо бояться». Он это часто повторял...

И Германия, и берлинская группировка разрезаны... Всюду на улицах толпы берлинцев. Многие уже без белых повязок. А сегодня встретил одну даже с красной...

Все еще гремят пушки под рейхстагом. И в самом в нем еще не утихло... Берлинский гарнизон продолжает сопротивление... Но на рейхстаге, над зелеными фигурами коней ветер уже полощет красное знамя.

В приказе первомайском сказано, что вторая мировая война подходит к концу.

2 мая. Четыре года мы писали: «Ворвался». «Ворвались». Боже упаси, чтоб «вошел»...

Сегодня с утра в Берлине тихо. Берлинская группировка капитулировала. Был в подразделениях, которые сейчас «выведены».

Но откуда выведены, если не стало передовой?

Наша, вчера только вылезшая из Калининских болот дивизия, штурмовавшая до того одни лишь сопки, взяла рейхстаг. Непосредственно рейхстаг брали два наших батальона — Неустроева и Давыдова. И в том и в другом батальонах ставили свое знамя... У Давыдова это сделали лейтенант Рахимжан Кошкарбаев и Григорий Булатов, боец. Вместе с ними действовали — лейтенант Сорокин, бойцы и сержанты — Лысенко, Провоторов, Габидуллин, Орешко, Пачковский и еще несколько бойцов.

Долго говорил с Кошкарбаевым. Чуть ли не весь день они пролежали на площади.

Тут же, когда мы говорили с Кошкарбаевым, был и Исаков, они очень дружат.

Первую информацию я написал о них еще вчера, но появится она только завтра. Мы — не ежедневная газета.

Начполит приказал мне «не жалеть красок». Да и хватит ли у меня красок? Этот маленький, Булатов, под мышкой у лейтенанта крутился, спрашивал:

— Что мы будем делать, товарищ лейтенант?..

Знамя они завернули в черную, в темную бумагу.

Беседую с Сорокиным, Лысенко, Давыдовым... Мы все слишком взволнованы. И перебрасываемся в разговоре с одного на другое.

Надо мне о моем земляке, кировчанине Булатове, написать домой, ему на родину. Пусть мама за него порадуетя. Ее младшенький, ее Гриша — он 25-го года рождения! — водружал над Берлином красный флаг...

Тут, у Плеходанова, меня окружили, со всеми беседую. И капитан Боев, и Саша Сагитов, и Сергей Васькин — живы.

По пришедшей в часть дивизионной газете сверяют, которое сегодня число.

Первый майский дождь!

На улицах хоронят гражданских. На лафете провезли убитых артиллеристов.

— Я сегодня думал, что война кончилась совсем, — говорит Сагитов.

К вечеру — у Неустроева. Встречаюсь с Берестом, Щербиной, Кантарией и Егоровым. Потом с Гаркушей, со Сьяновым.

...В окно увидели серое здание, но никто не знал, что это рейхстаг. Массивные колонны, иссеченные металлом. Замурованные, заложенные кирпичом окна...

Переговоры о капитуляции происходили ночью. Огонь был прекращен с обеих сторон. Разговоры предварительные шли по радию...

Запыленные, перемазанные известкой, ходим мы по улицам.

Перехожу Шпрее, в который уже раз за сегодня. Речонка — так себе, небольшая и грязная. Пожалуй, она здесь одна не изуродована. Течет спокойно.

Когда пересекал мост Мольтке, поблизости еще горели дома... Где-то в доме отстреливался последний гитлеровский фаустник.

Все ждут, что вот-вот наступит конец...

3 мая. И вчера и позавчера, как и все эти дни, провел я на Кенигс-плац — это сумасшедшие были для меня дни, — а сегодня я влез наверх, на крышу рейхстага. Сюда, наверх, все влезает. Я достал из планшетки этот свой дневник, мне захотелось записать эти строки здесь...

Передо мной весь Берлин. Совсем близко Бранденбургские ворота, в парке — Колонна, на ней — женщина крылатая... Я на левой стороне здания. Рядом, справа, колыхается знамя. Ветер сейчас развеивает его. Берлин весь наш. Город бурлит... Одна Шпрее тихо течет.

Выходим на Унтер ден Линден... «Улица под липами!» Но лип что-то не видно. Они — сбиты, высохли, развеялись. Стали пылью... На Вильгельмштрассе — разгромленная рейхсканцелярия. Целые кварталы кирпича, щебня, камня... На крышах какое-то месиво железа. Красная чешуя черепицы разбита. Руины, руины.

Война возвратилась туда, откуда она выползла.

Идет фриц. Приветствует.

— Здравствуйте!

Танки, танки на улицах. Машины, люди. И флаги. Всюду наши флаги...

Трудно даже представить, что делается сейчас на родине.

Сегодня у рейхстага много писателей. Я видел только что Константина Симонова. Он высокий. У него усы и шинель кавалерийская. Всеволода Вишневского... Сейчас тут целый офицерский корпус. И генералов много.

На лестнице рейхстага я встретил своего друга, и мы опять поднялись наверх. Даже сфотографировались у флага... (Снимал нас оператор кинохроники П. Т. Горбенко.)

...Уходить с рейхстага мне не хотелось, даже когда наши зенитки стали вдруг бить по появившимся откуда-то немецким самолетам... Я уже стал было спускаться, но тут увидел: снизу, навстречу мне, поднимались двое. Шаткие деревянные ступени прогнили, и подниматься по ним можно было только по одному.

— Осторожнее, товарищи... Свалитесь! — сказал я.

Тот, что шел сзади, поднял голову, и я в нем признал своего товарища, тоже старшего лейтенанта, такого же, как я, дивизионного газетчика, поэта Сашу Лесина. Забыв о гнилых ступеньках, мы расцеловались и еще раз поднялись наверх.

Давно мы не видели друг друга. Прежде, на Калининщине, наши дивизии чаще стояли рядом, и мы ходили по одним и тем же дорогам. Или он возвращался с переднего края, или я шел туда. Последний раз мы встречались в Польше.

И вот теперь — здесь, на рейхстаге.

Все здесь встречаются, и не только друзья, но и родные. На наших глазах здесь встретились отец с сыном.

Истинно, все дороги войны вели в Берлин, к рейхстагу. Все сюда шли...

4 мая. На той же второй полосе — в макете завтрашнего номера — снова поставлена корреспонденция:

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ ВОДРУЖЕНО

Наши подразделения штурмом овладели рейхстагом. Первыми в осиное гнездо немецкого фашизма ворвались бойцы подразделения, которым командует капитан Неустроев. В этой битве неувядаемой славой покрыли свои имена Петр Щербина, Николай Бык, Иван Прыгунов, Василий Руднев, Кузьма Гусев, Исаак Матвеев, Сьянов, Ярунов, Берест, Кантария, Егоров. Руководил этой операцией доблестный командир Степан Неустроев.

Слава героям, штурмовавшим рейхстаг!

К нам редактором прислан капитан Корюков. Он из 171-й, что была в Берлине рядом с нами все время. Сегодня в сводке можно прочесть в центральных газетах официальное: «Бойцы, сержанты и офицеры соединения генерал-майора Шатилова и полковника Негода, занявшие 30 апреля здание германского рейхстага...» (За 3 мая.)

В номере идет наша — моя — корреспонденция-зарисовка «Они водрузили стяг победы». Но сколько их! Флагов на рейхстаге было много. Я говорю только о своей дивизии. Правильнее было бы сказать, что знамя водрузил безымянный герой. Его водружала вся армия, весь народ наш.

И в самом деле, у многих солдат, штурмовавших Берлин, был кусок кумача в кармане... Есть флаг, который поставили артиллеристы. Есть и «комсомольское знамя».

Очень много других флагов.

Сегодня тихо. Еще вчера за рекой были слышны выстрелы. Там что-то рвалось. Я уже писал, они капитулировали в ночь, неожиданно. Через Шпрее долго шли немецкие части. Сдавались.

Сегодня в рейхстаге, когда с комсогом Беляевым мы проходили по коридору, нас спрашивали:

— Геббельса не нашли?

— Нашли, нашли! — радостно отвечал Беляев.

Действительно, на КП нашего корпуса лежит труп. Это Геббельс. Обгоревшее лицо и одежда... Одна нога подвернута. Ростом мал... Командовавший берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг и чины из министерства пропаганды подтвердили, что это Геббельс. Он застрелился и приказал себя сжечь. Но, как видно, все очень торопились, он только обгорел.

Гитлер тоже покончил с собой. Об этом говорил тот же начальник обороны Берлина. По его словам, он был у фюрера еще днем 30 апреля, докладывал ему о планах перегруппировки частей. Отпуская его, Гитлер попрощался («Вероятно, мы с вами уже не увидимся»). А через некоторое время, когда генерал был наверху (его задержал наш артиллерист), он увидел мертвого Гитлера выносили из бункера...

6 мая. Вернулся из 756-го. Ночь эту, как и прошлые, ночевал в рейхстаге. В подвалах. Зинченко назначен начальником гарнизона. Весь рейхстаг уже успели исписать... Прежде всего бросается в глаза надпись на колонне: «Мы с Волги!»

Я тоже расписался. Только имен погибших нет на этих грозных стенах.

Под рейхстагом — не знаю на какой глубине — выступление артистов Большого театра. (Это всё вчера.) Подвалы невысоки, облицованы желтым кафелем. Сидим на скамейках, сколоченных из досок, в первом ряду.

Белеют повязки раненых. Кивает майор Соколовский, голова тоже забинтована. Он тоже был в рейхстаге с первой до последней минуты.

Нам не повезло, потух свет. И сразу же, отыскивая актрису, загорелись десятки маленьких прожекторов — карманных фонариков.

СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ В БЕРЛИНЕ

У памятника Вильгельму I. Первый слева — В. Е. Субботин

Фотография. 3 мая 1945 г.

Собрание В. Е. Субботина, Москва

Рядом со мной сидит сержант Карпов. Он немного похож на девушку. Сдержанно скромен. У него медаль «За отвагу»... Скоро он увидит свою мать, он говорил мне тогда о ней.

Бойцы подносят артистам подарки. Каждому — часы... Трупна эта не раз была на фронте. Прошла с войсками от Мелитополя до мыса Херсонес. Выступали в Польше, в Венгрии, в Чехословакии.

Вместо — «До скорой встречи в Берлине», они говорят нам:

— До скорой встречи в Москве.

Здесь, в зале, те, что брали рейхстаг, в дыму, в огне удержали его...

Один боец, румянощекий младший сержант, показал мне по секрету фотокарточку любимой...

С лейтенантом из «Красной звезды» Чевердой дошли до колонны Победы. Но сначала мы постояли у Бранденбургских ворот. Арка забаррикадирована кирпичом, говорят, это сделано по распоряжению Геббельса. Но заграждения уже стали разбирать.

Здесь, поблизости от Бранденбургских ворот, стоит девушка-регулирующая. Должно быть, самая красивая...

Затем направились к Александерплац, к Люстгартену.

Зеленые скульптуры над карнизами. На площадях — памятники. Все массивное, колоссальное. Военная, державная пышность. Вздрыбленные, скачущие кони и крылатые колесницы. Оружие, клинки, стремяна и сабли...

Вот памятник кайзеру... Четыре рычащих льва. Внизу, на темных ступенях разместилась богиня.

Центр города вообще богат памятниками.

В Тиргартене памятников еще больше. Там они просто один на другом. Каждая новая аллея встречает своим памятником.

Запомнился памятник Бисмарку и изображение битв на цоколе Колонны.

Вечером опять беседую с разведчиками.

Записываю опять биографии Егорова и Кантарии. Считается, что они установили Знамя победы, они действительно поставили его на куполе рейхстага. Это знамя было выдано дивизии еще перед наступлением...

Солдаты скромны, и тот, кто не знает сам, каково было в рейхстаге, может подумать, что все было легко и просто.

8 мая. Пришел печатник, принес слух о полной капитуляции Германии. Будто бы ночью передали. И теперь разговоры повсюду только об этом. Все спрашивают у нас. Редакции ведь верят больше всего.

Но мы сами ничего не знаем. Приказы передают обычные. Но в Англии, мы слышим по приемнику, идут долгие церковные службы. Выступает Черчилль: «Война в Европе окончена».

У нас пока ничего не передают. Но может быть — завтра...

Был вчера опять у рейхстага...

Рейхстаг кажется остовом давно затонувшего, а теперь вытасченного на поверхность, изъеденного морем корабля.

Он стал чем-то вроде памятника воинам, взявшим его. Сколько тут надписей! Ими испещрены колонны, стены — снаружи и внутри. От пола до потолка, от мостовой до карниза. Черным по белому и белым по черному.

Солдатские письма. Их наносила рука, привычная держать оружие. Кто не оставил автографа на этих выщербленных стенах!

Нельзя прочесть все надписи. Их тьма тут... Они очень разнообразны. Много шуточных.

Их подолгу разглядывают прибывающие сюда бойцы. И к тем, что уже сделаны, добавляют свои.

Мы к рейхстагу пришли потому, что захотели сфотографироваться. Мы уже отмылись, чистенькие стали. Можно сниматься... Даже с веточками сирени в руках.

10 мая. Это всё о том, что произошло вчера.

Ночью — вечером восьмого, поздно, — меня растолкали. Видимо, я только что заснул и долго не мог ничего понять. «Война окончена», дошло до меня. И тут я услышал голос, по радио передавали: «В ознаменование победоносного завершения... и одержанных исторических побед Красной Армии установить... днем всенародного торжества — праздником победы».

Это Указ был. Потом передали акт о военной капитуляции.

Я оделся и побежал, сам не знаю куда. Первым мне, кажется, встретился Виноградов, из парткомиссии, потом другие. А из политотдела уже звонили по всем подразделениям.

В эфире стоял сплошной благовест.

Я вернулся, лег и укрылся одеялом с головой. Но уснуть так и не мог.

Утром на велосипеде поехал в 674-й...

Полки наши расположены в разных частях города. Полк Зинченко — в самом рейхстаге, Мочалова — в районе Моабита.

Мы еще плохо знаем большой, на много километров раскинувшийся город. Нам неясна его планировка. Стоит отойти квартала два, как уже трудно, не имея карты, вернуться назад. Один лишь экспедитор нашей полевой почты Ягуда Ибраев — худенький, скуластый, — прекрасно ориентируется. Хорошо, что я поехал с ним...

Он быстро находит мосты через каналы, минует забаррикадированные улицы и приводит меня прямо на Вейсензее.

Полк Илеходановский выстроен был на улице. Сообщение делал наш Артюхов, начальник политотдела дивизии. Речь коротки, горячи и взволнованны, как четыре года назад, когда напали немцы.

А вечером я был на празднике у разведчиков. Сидели мы за большим столом и пили вино из личных подвалов Гитлера. Говорили речи, большие. И многие — впервые в жизни. Помню, я сам такую речь сказал 22 июня в 41-м году. Это было в лесу, под Бродами. У границы. Мы тогда вкопали танки в землю...

Даже и рукопожатия сегодня крепче.

По нашим глазам, голосам и лицам берлинцы понимают: у нас — праздник. У них, на их улицах. Одни наблюдают за этим сквозь жалюзи, другие — распахнув окна.

К нам пришел Савицкий. Мы обнялись. Вот и Володя жив... Да, мир! Настал мир!

Вечером, вернувшись от разведчиков, я лег и совсем было уснул — я очень устал за эти дни — как вдруг вздрогнул, разбуженный страшным грохотом.

Война?

В комнате никого не было, я выскочил на улицу. А это был Салют. Немцы испугались, укрылись в подвалы...

13 мая. ...Прямо не знаем, о чем писать — что давать в газете! Трудно перестроиться. Героика даем, но уже как воспоминание. В очерковой форме! А оперативного материала в номере не стало. В подразделениях занятий еще нет. Мы сейчас в основном на марше... Редактор дал задание: написать о сбережении оружия. Но мы это и в войну писали. Тоже не совсем мирная тема.

Началась жара. «Варм», — говорят немцы. Мы воспринимаем тишину как-то странно. Еще не верим, что так будет всегда...

Из Берлина уехали неожиданно. Наутро должны были прийти союзники и занять свою — нашу — зону. Так и не пришлось участвовать в параде, к которому мы готовились. Унтер ден Линден украшалась стягами, портретами и руководителей и солдат-героев...

Сейчас мы в местечке Гросс Шёнебек. Но и отсюда уезжаем...

Только теперь начинают писать о героях взятия рейхстага. Я с ними полвойны прошагал, пил-ел с ними. Вот Сьянов. Он спускался к немцам в их катакомбы. Уже почти два года я его знаю... Я и Савицкий пишем сейчас об одних солдатах, он — в армейской, я — в дивизионке. О Петре Щербине — даже в один день.

Володя напечатал стихотворение о победе. Короткое.

Мы за Эльбой и за Одером
Стоим у пушек, огнем раскаленных.

А поэты молчат. Попробуй, напиши, скажи что-нибудь, когда такое произошло...

14 мая. Я не знал: оказывается, мы в охотничьем доме Геринга. Теперь понятно, почему лес возле дороги огорожен сеткой.

Кругом какие-то сараи. Моя комната с огромным окном, которое я держу открытым, — на втором этаже. Утром даже занимался гимнастикой.

В Берлин, как видно, теперь уже не попадем. Может, после когда-нибудь...

Высматриваю новый, мирный материал.

На батарее у братьев Рубленко обнаруживаю рукопись — историю батареи. Она велась с самого начала войны. Подготовка людей в тылу, проезд на фронт, первые дни на фронте, бои за сопки и деревни, смерти и ранения, будни, героика — всё! Есть бойцы, четыре года назад пришедшие в это подразделение и кончившие войну в нем. По четыре, по пять раз были ранены.

Когда началась война, посмотрел я: снаряды, бомбы, мины. Подумал: кто же останется после этой войны, и вот эти два брата — Григорий и Анатолий — вот они, передо мной...

А нашего Белова — нет. Погиб, попав под артналет...

Под сколькими я был. И как я их обошел, или они меня обошли! Жив.